

Что поддерживает ПНП «Развитие АПК», поддерживая ЛПХ?

О.А. ОБЕРЕМКО

Написание данной статьи стало возможным благодаря выполнению автором проекта «Социологическое наблюдение ЛПХ в Краснодарском крае» в марте – июне 2007 г., поддержанного Фондом «Общественное мнение»¹. Эмпирическую основу проекта составили собранные в ходе экспедиционной поездки с 29 марта по 10 апреля 2007 г. в три района Краснодарского края интервью примерно с 70 информантами; основу целевой выборки составили фермеры и владельцы личных подсобных хозяйств (ЛПХ), взявшие кредиты в рамках Приоритетного национального проекта (ПНП) «Развитие ЛПХ» через кредитные кооперативы, а также специалисты районных управлений сельского хозяйства. Поводом же для написания статьи послужили дискуссии, которые в разных форматах сопровождали выполнение проекта от начала до конца. В этих дискуссиях с большей или меньшей категоричностью неизменно ставился вопрос: зачем в XXI в. на государственном уровне поддерживать столь архаичную с экономической и правовой точек зрения форму хозяйствования, какой является ЛПХ? Статья представляет собой попытку в русле концепции неформальной экономики (1) предложить ответ на вопрос, зачем поддерживать ЛПХ и (2) показать, что в поддержке ЛПХ меньше экзотики, чем можно подумать.

Постановка проблемы

В соответствии с законодательством, ведение личного подсобного хозяйства определяется по существу противоречиво: как товарная непредпринимательская деятельность. Тем самым закон фактически закрепляет своего рода сословную привилегию и консервирует сектор неформальной экономики, к которой относится «разнообразие качественно разнородных видов деятельности, полностью или частично не подчиненных формальным нормам хозяйствования, не подкрепленных контрактами и не фиксируемых статистическим учетом» [Барсукова 2004, с. 26], или «совокупность видов хозяйственной деятельности, не отраженной в статистической и налоговой отчетности» [Feige 1990, р. 992]. Это идет в разрез с системными институциональными изменениями, направленными на формализацию нефор-

¹ Пользуясь случаем, автор выражает благодарность коллегам по отделу качественных исследований Фонда С.Г. Климовой и И.А. Климову, а также президенту Фонда А.А. Ослону за предоставленную возможность реализовать проект, а также за продуктивное общение на всех этапах его выполнения.

мальной хозяйственной деятельности. Кроме того, это ставит фермеров, которые имеют юридический статус, платят налоги и ведут отчетность, в худшие условия, хотя хозяйство иного фермера по товарности и размеру надела бывает трудно отличить от ЛПХ [Нефедова 2003, с. 77]. Лавинообразный рост банкротств КФХ впервые обозначился уже в 1993 г., а начиная с 1997 г. число фермеров-банкротов стало устойчиво превышать число вновь создаваемых КФХ [Калугина 2000, с. 14]. Поддержка фермеров в ПНП также предусмотрена, но и привилегии ЛПХ остались.

Оправдания поддержки ЛПХ: два субдискурса

В России в ходе реформирования к 2003 г. из сельскохозяйственных объединений (корпоративных хозяйств) было высвобождено около 5 млн человек. Краснодарский край относится к тем регионам, где крупные хозяйства дают значительную долю в валовой региональный продукт [Концепция... 2006, разд. 1, Приложение 1.2], тем не менее, высвобождение работников было значительным, и оно продолжается. В краевой целевой программе констатируется: «В настоящее время ЛПХ превратилось из дополнительного в основной источник обеспечения сельских жителей не только продовольствием, но и всеми необходимыми средствами существования» [Развитие ЛПХ... 2007, с. 4–5].

Таким образом, для значительной части селян (не вовлеченных в ежедневную трудовую миграцию в крупные города) именно официальная занятость с низкими зарплатами стала подсобной, поскольку не обеспечивает общественно необходимые средства для удовлетворения базовых потребностей. Фактическое превращение из подсобного в основное обостряет интерес к двойственности статуса ЛПХ как «товарного непредпринимательства».

В рамках ПНП это развитие стимулируется кредитами и бюджетным субсидированием их процентной ставки. Кажется, впервые на памяти ныне здравствующих поколений россиян для поддержки сельского хозяйства используется стимулирование производственной активности, а не протекционистское дотирование.

Далеко не все полагают такое стимулирование разумным. Например, вместо того чтобы стимулировать сельскохозяйственную занятость избыточного трудоспособного населения села и малых городов и кредитовать «бабушек с их молочным производством», предлагается развивать несельскохозяйственную занятость и поддерживать крупного производителя [Серова, Шик 2007, с. 70].

Эта точка зрения небезосновательна только в части бесперспективности поддержки кустарного производства. Даже те опрошенные нами эксперты, которые сочувственно относятся к поддержке ЛПХ, говорили о ее социальной направленности и тактической, а не стратегической целесообразности.

Идея о том, чтобы стимулировать несельскохозяйственную занятость на селе теоретически очень правильная, однако поиск ответов на простые вопросы, какую именно занятость развивать, в какие сроки это можно сделать, как определить целевую группу и каких средств потребует такое развитие, быстро заводит в тупик. Что касается поддержки крупного производителя, то стереотипное представление (здесь оно сливается с оторванным от контекста «высокотеоретическим») о крупном по размеру, высокопродуктивном, конкурентоспособном на мировом

рынке аграрном производстве трудно напрямую увязать с развитием ЛПХ. А потому и сторонники его поддержки, и противники довольно быстро обнаруживают за рыночным стимулированием бесперспективной с экономической точки зрения хозяйственной формы социальную политику. Сторонники обнаруживают ее с одобрением, противники с неудовольствием. Мы имеем казус, когда эксперты, придерживающиеся противоположных ценностных позиций, демонстрируют согласие в диагностике *смысла* социального феномена. Тем самым дискурс обоснования (оправдания) поддержки ЛПХ распадается на два субдискурса: экономики и социальной политики.

Между тем в поспешном выведении темы поддержки ЛПХ и малых сельхозпроизводителей в целом за пределы экономического дискурса и ее помещение целиком в рамки дискурса социальной политики можно увидеть социальную эксклюзию. Беспощадная эксклюзия игнорирует аргументы, связанные с идеями обеспечения продовольственной безопасности страны и поддержания внутреннего разнообразия общества ради его устойчивости как «неэкономические», необоснованно сужая сферу экономического.

В качестве примера сошлемся на С.Ю. Барсукову, которая приводит образец риторики, согласно которой при планировании стратегии ПНП социально-политические доводы безоговорочно победили доводы экономические, и суть Проекта сводится:

«к возможности “закрепить” людей на селе, возродить сельский образ жизни, заселить пространство, оголенное миграционными потоками, а также укрепить здоровье людей, увеличив потребление молока и мяса отечественного производства» [Барсукова 2007, с. 10].

Если в оппозиции «экономика – политика» перечисленные доводы считать сугубо социально-политическими, то «экономика» предстает носителем следующих характеристик: ее не интересует пригодное для жизни и производства географическое пространство и расширенное воспроизводство трудовых ресурсов с физиологическим капиталом (здоровьем). Собственно, при таком подходе целиком выпадает человеческий капитал, если определять его как «меру воплощенной в человеке способности приносить доход, совокупность знаний, квалификации, здоровья работников, позволяющих повышать производительность труда» [Зубаревич 2003, с. 24]. Такая «экономика» не распознает в развитии семейных сельхозпредприятий (ЛПХ и КФХ) ради «обеспечения социального контроля над территорией» [Концепция... 2006, разд. 1, п. 4] важные для самой экономики инвестиции. С точки зрения немодного функционализма, столь узкое понимание «экономического» ограничивает возможности для развития самой экономической подсистемы общества². Эту же мысль можно сформулировать иначе: узкое понимание «экономического» не предполагает развития внутреннего рынка потребления, тем самым экономика лишается одного из ресурсов для своего роста.

² Функционализм ныне не в моде, однако именно функционалистская логика прослеживается в форсированном формировании высших классов и крупных (транснациональных) корпораций, способных к равноправным переговорам со своими партнерами-конкурентами по поводу установления правил игры в глобализирующемся мире.

Ясно, что наиболее уязвимой для эксклюзии из экономического дискурса (для отказа в поддержке) хозяйственной единицей представляется ЛПХ. Однако при внимательном рассмотрении проблемы оказывается, что «понятность» эксклюзии основывается на недооценке, так сказать, «народнохозяйственного значения малых форм хозяйствования», а также на преувеличении экономической роли и эффективности крупных коллективных хозяйств. Обратимся к документу, в котором для обоснования необходимости поддерживать малого сельхозпроизводителя приводятся следующие данные [Концепция... 2006, разд. 1, Приложение 1].

Таблица 1. Межсекторное сравнение показателей аграрного производства за 2003 г.*

Показатели	Секторы производства		
	Семейный		Корпоративный
	ЛПХ	Фермеры	
Количество, тыс.	16000	261,4	22,1**
Общая площадь, тыс. га	7014	19200	140200**
Средний размер, га	0,44	73	6344**
Валовой продукт, млрд руб.	644133	52524	458866
Валовой продукт, %	55,8	4,5	39,7
<i>Валовой продукт за 2005 г., %***</i>	<i>53,1</i>	<i>5,7</i>	<i>41,2</i>
Произведено, %			
картофеля	91,8	2,0	6,2
овошей	80,2	4,9	14,9
скота и птицы	52,7	2,4	45,1
молока	52,2	2,8	45,0
яиц	26,7	0,5	72,8
зерна	1,4	17,4	81,2
сахарной свеклы	1,1	10,3	88,6

* В Концепции ошибочно указан 2004 г., см. сельскохозяйственный раздел в [Российский статистический ежегодник 2006].

** Пропущенные в тексте Концепции данные приводятся по [Там же, с. 442].

*** Добавлено по [Там же, с. 438].

Данные табл. 1 позволяют сделать два вывода. Во-первых, крохотные parcelлы (в среднем 4,5 сотки) производят больше половины валового сельскохозяйственного продукта страны. Следовательно, полное отождествление ЛПХ с бабушками и дедушками едва ли корректно, и оправданием преференций ЛПХ может служить элементарная забота о продовольственной безопасности страны.

Во-вторых, крупные хозяйства держат первенство в тех производствах, где за счет относительно несложной механизации долю живого труда (и влияния человеческого фактора) можно легко сократить — производство сахарной свеклы, зерна, яиц. Поиск ответа, почему сельскохозяйственные организации не используют свой потенциал по организации «человеческого фактора» даже в таких производствах, где механизация (и стандартизация продукции) практически возможна и желательна (животноводство и птицеводство), требует отдельного исследования.

По-видимому, потенциально более эффективные, чем любое ЛПХ, крупные хозяйства тоже имеют пределы роста, и связаны они не только с технико-технологическими характеристиками производства, а с человеческим фактором. Нейтрализовать его там, где объект труда – сложный, ибо он – живой, вряд ли возможно. И чем сложнее по конструкции этот живой объект труда (например, корова), тем более дифференцированно он реагирует на отношение к себе со стороны субъекта труда, тем труднее нейтрализовать влияние человеческого фактора. Тем более что этот живой объект (и в условиях фермы, и в степи, где видно далеко) полностью находится во власти человека-труженика. Отсюда и леденящие душу истории о ревущих «колхозных» буренках, которых днями не кормят и не доят, потому что долгожданную зарплату вдруг выдали деньгами, отчего «персонал» ударился в отчаянный загул [Нефедова 2003; Нефедова, Пэллот 2006]. Эссенциалистские объяснения порочности сельского населения и/или мест обитания бесперспективны практически и неверны по существу. Социальные качества людей и социальных пространств – это результат социального взаимодействия. Ответственность за результат несет не природа и не «матрицы», а те участники социального взаимодействия, которые имеют больше разного рода капиталов, конвертируемых во властные полномочия. Такой интеракционистский (антидетерминистский) подход к проблемам российского села разделяют и некоторые экономгеографы (см., например [Нефедова 2003, с. 264; Трейвиш 2002]).

Эффективность крупного хозяйства зависит от представлений работников о границах социального пространства, в котором они сами себя не теряют, за которое готовы нести ответственность, в котором видят «территорию свободы» для удовлетворения своих личностных и социальных интересов. Нарушение социальной ткани, отсутствие взаимного доверия не позволит эффективно функционировать прогрессивным в теории крупным хозяйственным единицам, требующим развитого внутреннего разделения труда.

Эти рассуждения вместе с приведенными в табл. 1 данными вполне годятся для экономического обоснования поддержки ЛПХ: поддержали тех, кто сегодня экономически более значим и эффективен³.

Но вернемся еще раз к цитате, в которой перечислены якобы исключительно социальные цели: «закрепить» людей на селе, возродить сельский образ жизни, заселить пространство, оголенное миграционными потоками, укрепить здоровье. Если все это действительно является целью ПНП, то проектные документы должны содержать контрольные показатели положительного сальдо миграции «село – город», увеличения плотности сельского населения, прироста внутрисемейного потребления продовольствия, как минимум⁴. Вместо этого мы обнаруживаем, что эффективность Проекта предлагалось оценивать по приросту производства мяса и молока (на 7% и 4,5% соответственно), стабилизации поголовья КРС (крупного рогатого скота) на уровне не ниже 2005 г. и приросту товарности ЛПХ и КФХ (6 %) [Направления... 2005; Направления... 2006]. Если производственные показатели

³ Гипотезы о непропорционально большом недоучете статистикой объемов фактически произведенной продукции в корпоративном секторе мы затрагиваем в разделе «Что поддерживает ПНП: перспективы экономических субъектов».

⁴ Поскольку Проект рассчитан на 2 года, включать в этот перечень, например, показатели дожития, уровня заболеваемости и здоровья означало бы заранее обречь его на успех.

действительно планировались как средство достижения стратегических целей (заселение, укрепление здоровья...), то на практике *средства* неизбежно превратятся в конечные цели. Любой менеджер с этим согласится.

Кроме того, в течение двух лет стабилизировать поголовье КРС, увеличить товарность и общий объем производства на 4,5–7% можно при отрицательном сальдо миграции, например, за счет еще большего снижения внутрисемейного потребления продовольствия. Таким образом, согласно контрольным цифрам, Проект не ориентирован на решение задач социальной политики, а имеет отчетливую экономическую направленность.

Однако соотношение социально-политического и экономического субдискурсов можно проинтерпретировать иначе. Зададимся вопросом: имела ли шанс на утверждение откровенно социально-политическая программа при господстве экономической риторики? Едва ли. Если так, то именно в контрольных показателях можно увидеть риторику для прикрытия социальной направленности ПНП.

А в мировом масштабе? Сравнимо ли ЛПХ с неформальным сектором в других странах?

Понятие «неформальная экономика» впервые было предложено К. Хартом для описания хозяйственных практик бедных слоев городского населения в Гане [Hart 1973], а затем этот термин использовался в исследованиях проблем бедности и рынков труда в других африканских и латиноамериканских странах. В ходе второй волны исследований научное сообщество открыло неформальную экономику в социалистических странах, а позднее и в развитых странах [Барсукова 2004]. При этом концептуализация неформальной экономики не изменилась:

- 1) легкий вход на рынок без специальных навыков, капитала и организации;
- 2) семейное владение предприятием, являющимся продолжением домашнего хозяйства;
- 3) малые масштабы экономической деятельности;
- 4) высокие трудозатраты с применением традиционных технологий, обуславливающим низкую производительность труда;
- 5) опора на туземные (indigenous) ресурсы;
- 6) нерегулируемость рынков;
- 7) весьма ограниченные возможности для накопления капитала [Portes 2003; Moser 1984; Peattie 1980; Tokman 1982].

Какие из перечисленных характеристик применимы к российским ЛПХ? Первые три признака явно применимы, поскольку они буквально прописаны в законодательстве и не противоречат реальной хозяйственной практике ЛПХ. Четвертый признак относится к подавляющему большинству ЛПХ, но не ко всем, по крайней мере, в части традиционных технологий – например, при подращивании птицы и тем более выведении ее из яйца (это вообще высокопрофессиональное занятие) используются электрические инкубаторы, а для страховки от перебоев с электричеством покупаются миниэлектростанции. К высокотехнологичным ЛПХ не полностью применим и пятый признак.

Шестой признак можно принять лишь с оговорками, уточнив пространственные границы рынков, а также характер регулирования (формальное или неформальное). Применительно к российским условиям это весьма затруднительно, как показывают собранные интервью. Например, как квалифицировать репрессивное, прямо противоречащее формальным нормам «регулирование» официальными городскими лицами («корочки показали»), осуществляемое в специально отведенных селянам местах для торговли продуктами, снабженными необходимыми документами? Или можно ли считать нерегулируемым рынок сбыта, если разные, не связанные между собой респонденты утверждают: в 2006 г. заготовители предлагали разную цену на мясо (максимальный разброс составлял 14 рублей за 1 кг), а в 2007 г. и мясокомбинатами, и магазинами, и в потребкооперации, и частниками в пределах 2–3 соседних районов предлагается одна цена ($\pm 1,5$ –2 рубля за 1 кг). При этом розничный потребительский рынок снижения закупочных цен практически не заметил.

Седьмой признак применим к подавляющему большинству ЛПХ, именно поэтому и нужны дешевые кредиты на развитие. В наших интервью типичный ответ на вопрос «зачем взяли кредит?» содержал апелляцию не к деньгам, а ко времени, необходимому, чтобы «раскрутиться». Именно с точки зрения времени обсуждались и суммы кредитов: «мало дали», «нормально дали».

Существование неформального сектора во всех странах, в том числе и в развитых, объясняется депрессивностью формальных рынков труда: участие в неформальном секторе дает возможность для самозанятости и обеспечения элементарных потребностей [Пояснительная записка... 2007; *Sethuraman* 1981]. Также указывается низкий уровень личного (профессионального) капитала работников, не позволяющий встроиться в современную экономику формального сектора [*Портес* 2003, с. 36]. В нашем случае можно добавить слабое развитие транспортной инфраструктуры и неразвитость рынка жилья, что ограничивает территориальную мобильность избыточной рабочей силы. Перечисленные признаки депрессивности характерны для сельской глубинки не только в России и в развивающихся странах. Например, в США «во многих сельских сообществах ощущается нехватка стабильной занятости, возможностей для мобильности, инвестиций, разнообразия экономических и других социальных институтов. В этих сообществах растет социальная и пространственная изоляция, и они особенно уязвимы для неблагоприятных влияний со стороны структурных экономических изменений» [*Tikamyer* 1990, p. 67].

Напрашивается вывод о том, что в неформальном секторе выживают исключительно «некондиционные» для формального сектора работники. Однако А. Портес и С. Сассен-Кооб опровергают этот вывод: «Если бы неформальная экономика была бы исключительно бегством от нищеты, следовало бы два факта: во-первых, уровень средних доходов у неформально занятых был бы значительно ниже, чем у занятых в формальном секторе, и, во-вторых, однажды нашедшие работу в формальном секторе ни за что бы не согласились добровольно перейти в неформальную экономику. Эмпирические данные противоречат обеим этим гипотезам» [*Portes, Sassen-Koob* 1987, p. 36]. Далее приводятся ссылки на 16 исследований, проведенных в разных странах Латинской Америки и Европы (!). Некоторые интервью из нашей коллекции тоже противоречат этим двум гипотезам: информанты в разных районах сообщали о том, что были заняты в формальном

секторе, а некоторые даже вели предпринимательскую деятельность, но полностью переключились на ведение ЛПХ, как на более прибыльное занятие.

Некоторые интервью ставят под сомнение верность такой характеристики неформальной экономики, как «легкий вход на рынок без специальных навыков, капитала и организации». При внимательном рассмотрении оказывается, что вход в агробизнес требует и (освоения) специальных навыков и знаний, и включенности в социальные сети (которые заменяют организацию посредством «силы слабых связей» [Granovetter 1973]), и инвестиций (чему способствуют предусмотренное в ПНП кредитование строительства и реконструкций помещений для развития животноводства в ЛПХ).

Экзотично ли поддерживать развитие?

В контексте межстранового сравнения статус ЛПХ и его государственная поддержка может выглядеть, мягко говоря, странным. Председатель одного из кредитных кооперативов (фермер) выражал недовольство свободой от налогообложения товарной деятельности ЛПХ, ссылаясь на то, что в Скандинавии запрещено не только продавать, но и делать заготовки из того, что растет на приусадебном участке (употреблять в пищу можно только в сыром виде), если на выращивание соответствующего продукта домохозяйство не имеет лицензии. Консервирование квалифицируется как нарушение интересов лицензированных товаропроизводителей. Точно так же не имеющий лицензии частник нарушает интересы законопослушного таксиста, в установленном порядке приобретшего лицензию на извоз, которую надо окупить. Нашей поддержке ЛПХ скандинавы бы тоже удивились, поскольку освобожденный от всех социальных обязательств товаропроизводитель еще и имеет шансы получить государственную поддержку дешевыми кредитами.

Однако аналогичную (по смыслу, но не по финансовому механизму) роль для уже вставших на ноги, современных, высокопроизводительных сельхозпредприятий играют дотации. Причем объемы этих дотаций в «цивилизованных странах» значительно превышают российские аналоги. Лидером здесь является Евросоюз, где субсидии на 1 га обрабатываемой площади в 50 раз больше, чем в России, от ЕС несильно отстают следующие по пятам Япония и США [Оболенцев 2007, с. 10]⁵.

Кроме того, временное освобождение от налогового бремени практикуется и в «цивилизованных» странах для развития малого и среднего бизнеса, а также выборочно для стимулирования крупного бизнеса в отраслях и направлениях приоритетного развития. А если вспомнить еще льготы для свободных экономических зон? Если таковой объявляется зона ЛПХ, не будет ли ее единственное принципиальное отличие состоять в широте целевой группы? Отметим, что ПНП «Развитие АПК», как и региональные программы поддержки ЛПХ, имеют четкие временные границы – никто не обещает поддерживать кустарное производство вечно.

Стимулирование означает привлечение и закрепление человеческих ресурсов желаемого качества в сегменте, который мы собираемся развивать. Почему в на-

⁵ Подробнее о поддержке сельского хозяйства в развитых странах см. [Назаренко 2006].

шем случае не признать разумной целью формирование слоя современных аграриев, если ответственным кредитованием и бюджетным субсидированием процентной ставки по кредитам стимулируется освоение финансовых инструментов?

В «городской экономике» узловых пространств [Барсукова 2004] еще сохраняется иллюзия избыточности трудовых ресурсов из-за внутренней и внешней иммиграции, которую стимулирует неравенство в уровне жизни и относительный избыток капиталов. Правда, эти иллюзии каким-то причудливым образом соседствуют с повсеместными жалобами на нехватку исполнителей и просто толковых, подготовленных людей.

Теперь вернемся в село. Трудно ожидать, что кадровый дефицит в бурно развивающемся «городском хозяйстве» совершенно не известен по определению депрессивному хозяйству сельскому. Однако ставку на экстенсивный рост производства в сельском хозяйстве можно делать не на иммигрантов, а только на наличное, оставшееся население, чьи миграционные возможности как раз ограничены. Ставку на интенсификацию, которая возможна через формирование нового слоя аграриев, можно делать только на то же самое наличное население, со всеми его плюсами и минусами.

Практический эффект (социально-экономическая целесообразность) от поддержки ЛПХ финансовыми и товарными кредитами, временным освобождением от налогов по существу предпринимательской деятельности будет зависеть от того, насколько предлагаемые правила и процедуры их применения способствуют селекции «способных игроков» и препятствуют участию тех, чьи шансы на успех заведомо невелики.

Что поддерживает ПНП: перспективы экономических субъектов

Если финансовые и организационные льготы повсеместно практикуются для развития, если родное ЛПХ соответствует «мировым стандартам» неформального сектора, то чего можно ожидать от его поддержки с учетом «объективных» функций, выполняемых неформальным сектором?

А. Портес приводит следующую классификацию акторов и функций (целей) неформальных видов деятельности [Портес 2003, с. 38]:

Актор	Функции (цели)
1) Индивиды (домохозяйства)	Выживание при помощи натурального хозяйства
2) Фирмы формального сектора	Управленческая гибкость и снижение трудовых затрат за счет неформального привлечения предпринимателей-субконтракторов
3) Малые фирмы	Накопление капитала за счет сокращения издержек, связанных с ведением формальной деятельности

Первая функция: самообеспечение домашней фирмы

Первая функция описана Портесом с точки зрения субъекта, хозяйствующего самостоятельно и неформально. То, что в ней названо натуральным хозяйством, конечно, более соответствует самообеспечению. От малой фирмы (третья функция) такое домохозяйство (или «домашняя фирма» [Хизрич, Питерс 1993]) отличается предпочтением потребления инвестированию в расширение производства. Под потреблением в данном случае понимается не только элементарная последовательность «вырастил – съел», а разнообразные хозяйственные стратегии. Принятие и непринятие той или иной стратегии зависит, прежде всего, от жизненных планов, которые не детерминируются наличными ресурсами (капиталами разных форм), а формируются в процессе взаимодействия индивидов со средой одновременно с накоплением ресурсов. Именно «цели, которые преследуют их владельцы, а также ограниченность вкладываемых [в производство. – О.О.] средств определяют их масштабы и перспективы развития» [Калугина 2003, с. 206], а не наоборот. Иными словами, принятая хозяйственная стратегия соответствует социальному пространству (вместе с его значимыми обитателями и ресурсами), которое субъект готов включить в зону своего ответственного действия.

К первой функции (а не ко второй) следует отнести разнообразные симбиотические (несамостоятельные) отношения ЛПХ с крупным хозяйством – фирмой формального сектора. Здесь мы воспользуемся типологией взаимодействия формального и неформального секторов, предложенной О.П. Фадеевой [Фадеева 2003, с. 225–231]. Для всех вариантов взаимодействий характерно выполнение диффузных, неспециализированных (по Т. Парсонсу) взаимных обязательств, в отличие от второй функции, где фирма формального сектора, неформально нанимая работника, отказывается предоставлять ему стандартные для формального трудового контракта гарантии.

Первая модель – паразитический симбиоз, когда коллективное хозяйство оказывается подсобным для личного по ироничной формуле: «чтобы выжить, нужна корова, чтобы жить относительно хорошо – 2–3 коровы, свиньи, овцы, а чтобы прокормить скот – нужен колхоз» [Нефедова, Пэллот 2006, с. 43] (о таком типе симбиоза см. также [Никулин 1998; Родионова 1999]). В таких хозяйствах работников, у которых вследствие многолетних невыплат «обычная трудовая мотивация, основанная на стремлении хорошо зарабатывать» успела смениться «монотонным, вошедшим в привычку походом на работу» [Фадеева 2003, с. 226], кредиты вряд ли заинтересуют. Кроме того, средства производства в ЛПХ таких работников официально не могут быть оформлены, поэтому даже при желании существенного кредита они не получат в принципе.

Те же, кто сохранил «обычную трудовую мотивацию» и сможет удовлетворить требования входа (залоговое имущество, поручительство), получают шанс, пусть не сразу, вырваться из круга «компенсационной адаптации» [Калугина 2003, с. 200] и зависимости от хронически убыточного предприятия. Это особенно важно в тех случаях, когда инициаторами симбиоза являются не только пайщики и работники – владельцы ЛПХ, а «руководители крупных предприятий, наследники сельскохозяйственной номенклатуры... привязывают к себе своих работников (пайщиков)

путем поддержки их индивидуального хозяйства» [Нефедова 2003, с. 84]. В любом случае расширения неформального сектора за счет кредитов ПНП в секторе паразитического симбиоза ожидать не нужно.

Таким образом, кредитование ЛПХ может снизить зависимость семейного хозяйства от хронически убыточных крупных хозяйств, которые являются институциональными фабриками неформальной экономики на селе.

Вторая модель – паритетного симбиоза, где возникают контрактные отношения между достаточно крепкими корпоративными хозяйствами и семейным сектором, для которых характерна «специализация в соответствии со сравнительной эффективностью производства разных видов продукции. Например, цикл производства животноводческой продукции делится таким образом, что сельхозпредприятие специализируется на производстве молодняка и кормов, а семейный сектор – на содержании и откорме животных» [Фадеева 2003, с. 229]. Здесь поддержка ЛПХ может быть выгодна обеим сторонам.

В новой корпоративной (третьей) модели с эффективным собственником, который может себе позволить строить отношения с работниками на формальных основаниях и в семейном секторе видит «конкурента за общие ресурсы» [Там же, с. 231], получение кредитов может быть рассчитано только на незанятых членов домохозяйства. Учитывая, что на таких предприятиях стараются освободиться от избыточных кадров [Там же, с. 231], кредитование незанятых членов домохозяйства может даже отвечать интересам предприятия, тем более что необходимые для ведения ЛПХ ресурсы даже работникам предлагается покупать по рыночным ценам [Там же, с. 231].

О.П. Фадеева указывает, что по мере движения от первой модели к третьей степень формализации нарастает, хотя эта формализация не всегда может быть очевидна для внешних контролирующих агентств. Взаимодействия в рамках первой и второй модели при всех возможных нюансах типологически близки внутрифирменным отношениям, тогда как третья модель типологически близка к взаимоотношению между фирмами.

Представляется, что идеально-типический случай первой функции, выделенной Портесом, – это отсутствие какого-либо симбиоза в населенных пунктах, где крупные хозяйства, некогда систематически задерживающие зарплату, успели прекратить свое существование, а новые не появились. Здесь негативное, сделанное в логике контролирующего агентства отнесение домашнего хозяйства к «совокупности видов хозяйственной деятельности, не отраженной в статистической [unrecorded] и налоговой [unreported] отчетности» [Feige 1990, p. 992], попросту неуместно. Неформальная экономика этого типа в российской деревне не только сохранялась из-за слабости формального сектора, но даже расширилась после того, как некогда пришедший извне формальный сектор ослаб настолько, что оказался не в состоянии нести необходимые издержки собственного формального статуса.

Для «домашней фирмы» типично стремление поддержать или улучшить жизненные стандарты и/или выполнить семейную программу, которая заключается в инвестировании в воспитание детей и их социальную (прежде всего, географическую) мобильность [Оберемко 2007б]. Получаемые от неформальной деятельности

доходы, таким образом, тратятся в официальной экономике, что может расцениваться позитивно [Schneider, Enste 2000, p. 78].

Во всех приведенных случаях нет оснований опасаться, что реализация ПНП «Развитие АПК» приведет к расширению теневой экономики, чреватому разрушением «основ налогообложения и социального обеспечения» и «серьезными трудностями для политиков, потому что официальные показатели – о безработице, рабочей силе, доходах, потреблении – становятся ненадежными» [Там же, p. 78]. Тем более что именно при реализации ПНП «Развитие АПК» и дополняющих его региональных программ ЛПХ начинает выпадать из неформального сектора как «совокупности видов хозяйственной деятельности, не отраженной в статистической [unrecorded] и налоговой [unreported] отчетности» [Feige 1990, p. 992]. Во-первых, условием получения кредита и его использования является оформление килограммов бумаг, что способствует, по крайней мере, частичному выводу из «тени» имущества и хозяйственной деятельности; во-вторых, региональными программами, в дополнение к дешевым кредитам, предусмотрено субсидирование реализованной ЛПХ продукции, что тоже требует документального оформления. Тем самым стимулируется формализация неформальной хозяйственной деятельности⁶.

Вторая функция: снижение издержек в формальном секторе

Вторая функция вводит перспективу нового субъекта – фирму (в нашем случае неважно, к формальному или неформальному сектору она относится), которая фактически является промежуточным звеном между производителем (домашней фирмой) и потребителем продукции. В наших интервью часто и неласково упоминались «перекупщики», не привязанные к производственному процессу и имеющие доступ к каналам сбыта. Их формальный статус может быть разный (частный предприниматель, заготовитель потребкооперации, представитель крупного переработчика, городского рынка), но, судя по собранным интервью, у них есть общая черта: они имеют решающие преимущества перед домашней фирмой в определении условий и обязанности выполнения (суб)контрактов.

Смысл действий этого типа экономических субъектов подпадает под более специфичное определение неформальной экономики – «хозяйственные действия, которые направлены на избежание издержек, связанных с соблюдением законов и административных правил по поводу “отношений собственности, коммерческого лицензирования, трудовых договоров, гражданских правонарушений, финансового кредитования и систем социального обеспечения” и не подпадают под их защиту» [Portes 2003, с. 37–38; Feige 1990, p. 992].

В отличие от первой функции, для взаимодействий в рамках второй функции характерны несимметричное распределение рисков, уклонение доминирующей стороны от установления четких правил и низкий уровень взаимного доверия. Это

⁶ В этом контексте можно понять, почему некоторые субсидии, предусмотренные для ЛПХ, не предусмотрены для фермеров, что вызывает у последних недоумение: фермеры и без субсидий *должны* представлять отчетность.

делает производство рискованным и имеет мало общего со свободой цивилизованных рыночных отношений, которые только и могут устанавливаться при стабильности институциональных правил, и развитием.

Собранные нами данные позволяют предположить, что определенная часть заготовителей, по крайней мере, с точки зрения разрозненных производителей, выступают по отношению к ним как *единая фирма*, предлагающая невыгодные условия сделки. Если так, то прописанная в ПНП «Развитие АПК» идея развития горизонтальной кооперации реализуется не столь успешно по сравнению с вертикальной кооперацией.

С учетом усиливающегося диспаритета цен, слабости горизонтальной кооперации и диктата заготовителей получается, что денежные и товарные кредиты стимулируют вовлечение крестьян в производство на свой страх и риск в ухудшающихся условиях. Если основную выгоду от кредитования получает в итоге не производитель, а заготовитель, значит, оно способствует накоплению непроизводственных капиталов и не отвечает заявленным целям ПНП.

Третья функция: накопление капитала малыми фирмами

Третья функция вновь возвращает нас к точке зрения производителя, однако это типологически иной производитель, который использует статус ЛПХ для сокращения издержек не ради выживания (как в первой функции), а ради накопления капитала. Статистически такой тип неформального предпринимателя встречается редко, но они есть во всех трех районах, где была экспедиция: в них (иногда в черте населенных пунктов) возводятся промышленные по масштабу и оснащению животноводческие корпуса и закладывается самый настоящий, неподсобный бизнес. Такие предприятия, будучи официально освобождены от налогов, под неформальным давлением администраций несут определенную долю социальной ответственности и скорее рано, чем поздно перейдут в формальный сектор. В данном случае можно говорить о механизме, облегчающем становление новых средних и крупных локальных экономических акторов. Для этой, пусть и небольшой части, статус ЛПХ временно создает условия, которые можно сравнить с условиями бизнес-инкубаторов, где создается режим благоприятствования (в том числе в налоговой сфере) для развития производственных инноваций.

С точки зрения фирмы этого типа неформальная экономика есть «реакция населения на негибкое поведение государств, которые привилегию на легальную хозяйственную деятельность отдают элитам, не выживание в условиях нехватки рабочих мест, а результат распространения истинно рыночных сил в экономике, зажатой в тисках государственного регулирования» (см. [Портес 2003, с. 37]). То есть именно негибкое регулирование порождает этот вид неформальной экономики.

Заключение

Итак, последствия от стимулирования ЛПХ укладываются в мировой контекст. Трех функциям соответствуют три вида неформальной экономики, в которых доминируют разные субъекты. В первом случае появление неформальной эконо-

номики обусловлено чрезмерной слабостью субъектов формального сектора, во втором – чрезмерной их силой, в третьем – чрезмерно жестким регулированием хозяйственной деятельности.

Поддержку первой функции можно условно отнести к социально-политическим задачам – самообеспечения социальной сохранности немобильного сельского населения и накопления средств для мобильности представителей молодых когорт.

Поддержка второй функции (возможно, непреднамеренная) способствует перераспределению добавленной стоимости из непосредственного сельскохозяйственного производства на верхние этажи хозяйственной пирамиды (заготовка, хранение, переработка и т. д.). Это несовместимо с риторикой ПНП о наращивании объемов производства и повышении уровня жизни сельских жителей, однако вполне совместимо с традиционной для России логикой индустриализации, при которой конкурентоспособность промышленности обеспечивается низкими затратами на рабочую силу за счет дешевого продовольствия [Назаренко 2006, с. 16–17].

Поддержка третьей функции отвечает продекларированным ПНП целям развития.

Таким образом, сама затея поддерживать ЛПХ на государственном уровне не является изыском «особого пути», а, напротив, вписывается (в первой и третьей функциях) в стандартную стратегию рыночного развития депрессивных отраслей и территорий. Тем более что поддержка осуществляется не дотированием, а кредитованием. Представляется, что это единственный ПНП, в рамках которого «худо-бедно», как сказал один наш информант, удалось запустить рыночные механизмы избирательного стимулирования профессиональной активности тех, кто готов возложить на себя ответственность за риски по освоению цивилизованных институциональных правил хозяйственной деятельности.

Остается принципиальный вопрос: нужно ли в России расширять ответственный слой сельхозпроизводителей в эпоху перехода передовых стран к информационному обществу?

О.И. Шкаратан и Г.А. Ястребов отмечают, что в России (1) доля рабочего класса непропорционально высока, а непропорционально низки доли (2) высококвалифицированных профессионалов и (3) самозанятых (самостоятельных работников) [Шкаратан, Ястребов 2007, с. 27]. Первой и второй диспропорции ПНП «Развитие АПК» вряд ли коснется, а вот ожидать увеличения самозанятых и приближения по этому показателю к европейским странам вполне реалистично.

Литература

- Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: Экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Барсукова С.Ю. Неформальные способы реализации формальных намерений, или Как реализуется Приоритетный национальный проект «Развитие АПК»: Препринт WP4/2007/02. М.: ГУ ВШЭ, 2007 (http://new.hse.ru/sites/ecsoclab/docs/WP4_2007_02.pdf).

- Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. М.: УРСС, 2003.
- Калугина З.И.* Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003.
- Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000.
- Концепция развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов: утверждена 29.03.2006 / Минсельхоз РФ // www.cfo.allbusiness.ru.
- Назаренко В.И.* Государство и сельское хозяйство в странах Запада. М.: Институт Европы РАН, 2006.
- Направления, основные мероприятия и параметры ПНП «Развитие АПК»: утверждены Президиумом Совета при Президенте РФ по реализации ПНП (протокол № 16 от 21.02.2007) // http://rost.ru/agriculture_doc_1_2007.doc.
- Направления, основные мероприятия и параметры ПНП «Развитие АПК»: утверждены Президиумом Совета при Президенте РФ по реализации ПНП (протокол № 2 от 21.12.2005) // http://rost.ru/agriculture_doc_1.doc.
- Нефедова Т., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006.
- Нефедова Т.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
- Никулин А.М.* Предприятие и семья в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М.: Дело, 1998.
- Оберемко О.А.* Социологические наблюдения ЛПХ в контексте реализации ПНП «Развитие АПК» (по материалам экспедиционной поездки в Краснодарский край). М.: ФОМ, 2007а.
- Оберемко О.А.* Типология ЛПХ: Зоны актуальной ответственности // Человек. Сообщество. Управление. 2007б. № 2.
- Оболенцев И.* Сельское хозяйство России // Промышленник России. 2007. № 1.
- Портес А.* Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. 2003. № 5.
- Пояснительная записка к проекту постановления Законодательного Собрания Краснодарского края «Об утверждении краевой целевой программы “Развитие ЛПХ на территории Краснодарского края на 2007–2009 годы”» // Ткачев А.Н. Краснодар, 2007.
- Развитие ЛПХ на территории Краснодарского края на 2007–2009 гг.: Проект краевой целевой программы / Департамент сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Краснодарского края. Краснодар, 2007.
- Родионова Г.А.* Современное сельскохозяйственное предприятие и стратегии выживания сельских сообществ: Симбиоз функций и величин // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999.
- Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. М.: Росстат, 2006.
- Серова Е.В., Шик О.В.* Национальный проект «Развитие АПК»: состояние и перспективы // Национальные проекты. 2007. № 1.
- Трейвиш А.И.* Ограничения в развитии России: новый геодетерминизм // Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов. М.: Университет РАО, 2002.
- Фадеева О.П.* Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003.
- Хизрич Р., Питерс М.* Предпринимательство, или как завести собственное дело и добиться успеха // Предприниматель и предпринимательство: Пер. с англ. / Общ. ред. В.С. Загашвили. М.: Прогресс, 1993. Вып. 1.

- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.* Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. 2007. № 3.
- Feige E.L.* Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Intuitionial Economics Approach // World Development. 1990. Vol. 18. № 7.
- Granovetter M.* The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 3.
- Hart K.* Informal Income Opportunity and Urban Employment in Ghana // Journal of Modern African Studies. 1973. Vol. 11. № 1.
- International Labour Office. Year Book of Labour Statistics. Geneva: ILO, 1988.
- Moser C.* The Informal Sector Reworked: Viability and Vulnerability in Urban Development // Regional Development Dialogue. 1984. Vol. 5. № 2.
- Peattie L.R.* Anthropological Perspectives on the Concepts of Dualism, the Informal Sector, and Marginality in Developing Urban Economies // International Regional Science. 1980. Vol. 5. № 1.
- Portes A., Sassen-Koob S.* Making It Underground: Comparative Material on the Informal Sector in Western Market Economies // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 93. № 1.
- Sethuraman V.S.* (ed.) The Urban Informal Sector in Developing Countries: Employment, Poverty and Environment. Geneva: ILO, 1981.
- Schneider F., Enste D.H.* Shadow Economy: Size, Causes, and Consequences // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. № 1.
- Tikamyer A.R.* Poverty and Opportunity Structure in Rural America // Annual Sociological Review. 1990. Vol. 16.
- Tokman V.E.* Unequal Development and Absorption of Labour: Latin America 1950–1980 // CEPAL Review. 1982. Vol. 17.